

**А. П. Чехов**

# **Тайны живописи**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84  
А11

А11 **А. П. Чехов**  
Тайны живописи / А. П. Чехов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 54 с.

**ISBN 978-5-4241-2684-0**

Старший брат Антона Павловича Чехова, Александр окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, знал шесть языков.

В студенческие годы публиковался в юмористических журналах «Зритель», «Москва», «Будильник», чем во многом способствовал к приобщению к миру столичной журналистики юного Антона Чехова.

**ISBN 978-5-4241-2684-0**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2012

Чехов Александр  
Тайны живописи



Александр Чехов

Тайны живописи

Средь путей живописца тушь простая выше всего. Он раскроет тайну природы, он закончит деяние творца.

Ван Вей "Тайны живописи" (перевод академика В.М. Алексева)

1.

Люди идут. Их много, они разные, мужчины и женщины, дети и старики, кто-то идет молча, в одиночку, кто-то -- в компании, разговаривая, кто-то смеется, кто-то улыбается, кто-то идет, опустив голову, кто-то -- расправив плечи. Размашисто, размеренно, семена, шаркая, торопясь или поминутно останавливаясь, глядя вперед, друг на друга, по сторонам или под ноги, они идут в разных направлениях, просто гуляя или может быть по делам, хотя какие дела могут быть майским вечером в пятницу, да еще в такую погоду? Они идут, многогласно стуча каблуками по асфальту, шелестя несвоевременными, но не снятыми по привычке плащами и куртками, вдыхая успевший уже пропылиться и пропахнуть летом городской воздух, наполненный долгожданным, наконец наступившим теплом, идут, встречаясь взглядами друг с другом, сталкиваясь на мгновение и расходясь навсегда, их много, они разные, они идут нескончаемым потоком по главной пешеходной улице, по Большой Покровке, от площади Горького к Кремлю, к площади Минина, к памятнику Чкалову или наоборот, от помпезного здания Драматического театра к стеклянному фасаду магазина Народных Промыслов, у которого продавцы хохломы, солнцезащитных очков и мягких игрушек деловито сворачивают свои палатки, и еще дальше -- к ломбарду на перекрестке с Малой Покровкой, темно-серому мрачному Дому Связи, к ресторану Макдональдс, переданному не так давно из книжной лавки, к цветочным клумбам и скверу...

Официантка в синей униформе с надписью "Rothmans" на кепи, быстрым привычным движением убирает со столика грязные стаканы. Ей -- лет двадцать, может быть двадцать два, вряд ли больше. Скучающее, уставшее, засыпающее лицо, кажущееся немного искусственным из-за большого слоя косметики. Кукольное лицо, кукольные светлые волосы, только глаза, пусть и потускневшие, выдают его живость. Правильный овал, чуть вздернутый нос, припухлые губы, стройная фигура. Кафе не занято и наполовину, три порядком выпивших человека за столиком у бара, двое чуть дальше, тихо беседуют, потом еще один, с перстнем на безымянном пальце, в синей джинсовой куртке, не спеша потягивает дешевое пиво, размышляя, видимо, о чем-то своем, и еще двое, мужчина и женщина, за столиком у чугунной ограды, оба -- лет тридцати, одеты не броско и не дорого, но со вкусом. За оградой, на улице, группа из трех музыкантов-духовиков закончила полонез Огинского и начала какой-то малознакомый медленный фокстрот.

-- Ну как?

-- Тебе нужна моя оценка?

-- Хотелось бы услышать.

-- По-моему неплохо.

-- По-моему замечательно. Это лучшее, что у нас когда-либо получалось.

-- Ну не знаю, впрочем...

-- Не говори ничего! -- мужчина поворачивается к женщине и прерывает ее

немного картинным жестом, -- Давай просто посидим. Послушаем музыку. Кларнет сегодня в ударе, ты не находишь?

-- Пожалуй. Просто все на своих местах.

Он чуть заметно кивает. Продолжать незачем.

В музыкантах чувствуется опыт, нет, это не дешевые лабухи из подземных переходов и прокуренных кабаков, это профессионалы, возможно, студенты консерватории, которым не хватает стипендии, хотя нет, как раз кларнет уже, кажется, вышел из этого возраста. С излишней, быть может, витиеватостью насыщает он нехитрую тему изысканными форшлагами, словно кружева плетет, мягкие, легкие, воздушные, подстать своему инструменту.

-- Прекрасный вечер, -- тихо произносит женщина. В тонких пальцах высокий стакан блестит загадочностью, -- Все удалось.

-- Просто все на своих местах. Музыка подобрана удачно.

-- Удачно к чему? К обстановке? К настроению?

-- К финалу. Финал звучит, да?

-- Звучит. Хотя... Можно было подобрать что-то пооригинальнее. Не такое кричащее.

-- Отчего кричащее? -- искренне удивляется мужчина, -- Негромкая живая музыка. Открытое кафе. Звуки шагов за оградой. Разговор. Крупным планом, глаза в глаза. Все выдержано, ничего лишнего.

-- Возможно. Просто это уже было. Где-то.

-- Все, что мы делаем, уже когда-то было. Все искусство построено на штампах. Нужно лишь расположить их в правильной последовательности. Как ноты.

-- Сразу -- и в философию! Погоди уж. Ладно, а если без нот?

-- Без нот... Хаос. Или просто тишина.

-- Я люблю тишину. О-кей, пусть будет тишина. Или хаос.

Он улыбается.

-- Пусть! Мы начнем что-нибудь новое. Что-нибудь о любви. О жизни и смерти. О страстях человеческих.

-- Мрачно!

-- Жизненно! Мне кажется, самое время.

-- Когда?

-- Прямо сейчас. Отличный день для начала.

-- Почему бы нет? В мае -- самое время.

-- Пожалуй. Ведь май -- это...

-- Май -- это...

-- Весна.

-- Лето.

-- Наполовину весна, наполовину лето. Мы начнем в мае и закончим осенью. Минорной осенью. Где-нибудь в конце сентября. Когда начинают лить дожди. Холодные дожди. Бесконечные, нудные, осенние.

-- Полгода.

-- Чуть меньше. Но этого все равно достаточно. Можно прожить целую жизнь.

-- Пожалуй. Родиться и умереть.

-- Нет. Умереть и родиться!

Маленький уличный оркестр заканчивает играть. Без аплодисментов, после короткой паузы, он начинает снова, другой мотив. В раскрытом футляре - несколько смятых бумажек.

Солнце село, и недавно вымытые к Пасхе стекла окон и покатые жестяные крыши старого Нижнего перестали блестеть. Кое-где уже зажегся свет. Людей на улице становится меньше, небо постепенно сереет, затем окрашивается фиолетовыми оттенками.

2.

Молодой человек неподвижно сидел за столом и наблюдал, как маленькие пылинки играют в узком солнечном луче. "Как их много, -- думал человек, -тысячи! Это из-за дороги. С дороги всегда летит пыль". Он провел пальцем по поверхности стола -- остался блестящий след полированного дерева. Пыль лежала на черных клавишах печатной машинки, старой механической "Ятрани", на вставленном в нее чистом белом листе. "Обидно! -- подумал человек, -- Стол -- это моя жизнь. Мой мир. Моя Вселенная. А я не подходил к нему уже несколько дней. Как все запылилось!"

Направо от стола стоял большой бельевой шкаф из темного дерева и тумбочка с телевизором, на стенах в шахматном порядке висели застекленные книжные полки, налево -- старый, протертый кое-где и немного продавленный диван, обитый желтой тканью и накрытый ковром, кресло из того же гарнитура и все те же вездесущие полки с книгами. Корешок к корешку и еще сверху, так что не остается свободного места, Стендаль, Достоевский, Шекспир, Ницше, собрания слов и мыслей, бумажная история человечества, почти тысяча книг за стеклом в пробивающимся сквозь тополиную листву дрожащем солнечном луче. Обычная холостяцкая комната.

"Ненавижу это ощущение, -- размышлял человек, -- полная беспомощность. Никаких идей, мыслей, ничего конструктивного. Пытаешься выдать из себя что-нибудь интересное, бесполезно. В голову лезет всякая муть. Вчерашнее кино, несколько фраз, услышанных в троллейбусе, работа эта, давно уже в печенках... Крутишься весь день, копаешься в бумагах и цифрах, как крот в земле, в результате к вечеру приходишь домой пустой, как скорлупа от гнилого ореха. Ничего. Ни идей, ни мыслей. Пустота. Какие-то обрывки впечатлений, воспоминания, фантазии... Все крайне бессвязно и совершенно бессмысленно. Ерунда, одним словом. Чувствуешь себя полной бездарностью. Хочется бросить все и дать себе слово больше никогда ничего не писать. Нет, нужно придумать что-нибудь. Что-нибудь новое. Как-то абстрагироваться, что ли, и начать все заново. С нуля. Может быть тогда что-нибудь получится. Записки графомана..."

Пальцы человека легли на клавиши и застыли в нерешительности.

"Что бы такое написать? -- спросил он себя, -- А вы что думаете, господа зрители? -- взгляд куда-то вверх, в сторону оконных гардин, -- О чем бы вам хотелось услышать? Можно начать с простого. Например, отношения мужчины и женщины. Он, она и еще один мужчина. Или еще одна женщина. Любовный треугольник. Конечно, ничего особенного, но это только поначалу. Вам ведь хочется криминала, сильных эмоций, не так ли? Вы устали от скучных мелодрам, вы хотите чего-то сильного? Этот сюжет можно развить. Например, довести главного героя до убийства. Или до самоубийства. Почему бы нет? Это интересно, хотя, конечно, не ново. Можно найти какую-нибудь неожиданную сторону,

новый поворот -- нужно лишь захотеть. Вам понравится".

На улице кричали дети. Громко, весело, непринужденно, они спорили, ссорились почти до драки и тут же мирились. Какой-то мальчишка все время визжал высоким, донельзя противным голосом: "А я не играю! А я не играю!"...

Молодой человек, которого, кстати, все, от родственников до сослуживцев, всегда звали Мишей и больше никак, ибо до отчества он еще не дорос ни по возрасту, ни по должности, одетый по домашнему просто, слегка не бритый, поскольку щетина на его лице росла так, что уже через пару часов после бритья он выглядел "слегка не бритым", 23-х лет от роду и ста восьмидесяти сантиметров росту, снял руки с клавиатуры, так ничего и не напечатав, медленно встал и вышел из комнаты.

Ветер, проникающий в комнату сквозь открытое окно, колыхал край белой тюлевой занавески. Был май, вечер.

3.

Ветер трепал волосы на их головах. Темно-русые, коротко подстриженные у одного, того, что помоложе, и черные, длинные у другого. Ветер свистел им в уши, негромко, нудно, навязчиво, одну и ту же ноту. Ветер играл с полами их плащей, так что каждый становился похожим на флаг, на живой флаг, бежевый или зеленый, чуть склоненный, трепещущий, но крепко стоящий на ногах.

-- Здесь? -- спросил Миша, тот, молодой.

-- Нет, еще выше, -- ответил Андрей. Андрей старше, намного старше, ему уже за тридцать, худощавая фигура, тонкие губы, умные глаза, ходит, не вынимая рук из карманов.

-- Куда уж выше?

-- А вот, -- Андрей кивнул на лестницу. Ржавую, шаткую, вертикальную, ведущую на чердачную надстройку, почти в небо, -- Можно подняться еще на несколько метров.

-- А нужно?

-- Нужно.

Потом они поднялись на самый верх -- маленькую квадратную площадку, метров пятнадцать по диагонали с большой антенной посередине.

-- Ну как?

Миша огляделся. Город лежал у самых его ног, зеленый, скомканный ковер деревьев, Кремль, телевышка, покатые крыши домов, жель, шифер, кирпичные трубы, скелеты антенн, высокое серое здание банка на площади Горького -абстрактный, скупой параллелепипед, схожие кубистские контуры высоких новостроек, две реки, Стрелка с одиноко летящими над жирафоподобными кранами черными куполами храма Александра Невского, широкие горбатые мосты через Оку, двухъярусный железнодорожный мост через Волгу дальше к западу, прямой, как линейка, уходящий куда-то в заволжские леса, небо, на треть затянутое бесформенной ватой кучевых облаков.

-- Здорово!

-- А я что говорил! Я сюда Олю привел, когда мы еще только познакомились. Это было испытание. Мне хотелось знать, поймет она или нет.

-- Поняла?

-- А ты как думаешь? -- Андрей повернулся лицом к ветру, подошел к краю и задумчиво посмотрел вниз, -- В прошлом году здесь один человек разбился. За-

бралась сюда пьяная компания, погулять просто, он и свалился. Сдуру. Полетать захотелось. Не умеют люди летать, не умеют. Закроют скоро это место, дверь заколотят и все. Удивительно, что до сих пор не заколотили.

-- Да... -- Миша шумно и долго втянул в себя прохладный воздух высоты, затем также протяжно выдохнул, -- Будет жаль. А я вот хочу новый сценарий написать.

-- А со старым что?

-- Потом доделаю. Сейчас не хочется. Надоело мне. Не идет что-то.

-- Понятно. А что за новый сценарий?

-- У меня еще нет четкой идеи. Пока только несколько сумбурных мыслей. Я хочу попробовать поиграть с реальностью.

-- По-моему, мы только этим и занимаемся.

-- Возможно, -- рассмеялся Миша, -- Я хочу создать что-то новое. Что-то на грани жизни и фантазии. Чтобы непонятно было, сон это или явь, игра или реальные чувства. Завязка, в общем, обычная, нечто вроде любовного треугольника, но потом...

-- Забавно, -- Андрей задумался, -- Игра, говоришь?

-- Да. Кино, может быть, или театр. Разыгрывается измена, которая воплощается в реальной жизни.

-- Актеры?

-- Возможно. Ну допустим... -- Миша замолчал на несколько секунд, сосредоточенно подбирая слова, -- Они что-то играют. Некую пьесу. Это просто игра, ничего больше. Игра ради игры. Чистое искусство. Но потом что-то меняется. Разыгранные чувства становятся реальными.

-- Хм... -- Андрей улыбнулся загадочно, -- Я бы не сказал, что это принципиально ново. Но может быть ты найдешь что-нибудь интересное. Даже в банальнейшем сюжете всегда можно найти что-то интересное. Все же забавное это развлечение -- творить! Хорошо, что у нас есть такая возможность. Иногда за это даже платят. Попробуй, может быть что-нибудь получится!

-- Я попробую. Время у меня есть.

-- Да, времени у нас навалом.

Андрей вернулся на середину, прислонился спиной к железной мачте.

-- Представляешь, когда-то здесь не было города, -- подумав, начал он. Говорил он медленно и негромко, скорее самому себе, -- Было такое время -только лес и ветер. Когда-то не было и леса. И зверей не было. Только ветер дул над безжизненной горячей лавой. И когда-нибудь только ветер и останется. Ни домов, ни людей, ни деревьев, ни любви, ни слез, ни рождения, ни смерти, ни пьес, ни героев. Только ветер. Когда-нибудь... -- Андрей посмотрел на Мишу, -- А пока здесь и сейчас -- город. Большой город, полтора миллиона людей, пять миллионов крыс и миллиард тараканов, -- он снова подошел к краю, -- И еще машины, дома, дороги, подземные переходы, музыка и фонари... Люблю я это место, реки вот эти, город. Хорошие декорации для очередной небольшой пьесы. Иногда немного шумно, но в остальном... Он потрясающе фантастичен, ты не находишь?

-- Возможно.

-- Точно. Место, где сливаются две больших реки, несет в себе некую силу. Что-то такое настоящее, природное, не от неба, от земли, из самого центра. Очень

древнее, языческое. Жаль будет отсюда уезжать.

-- Уезжаешь все-таки?

-- В Москву, в Москву... Зовут. Не сейчас, в сентябре, осенью. Но такой шанс упускать нельзя. Хочется поставить хоть что-то в столице на старости лет.

-- Да... -- Миша повернулся спиной и посмотрел куда-то в горизонт.

-- Пошли! -- Андрей хлопнул его по плечу, -- Пива попьем. В этом городе продают хорошее пиво.

Металлическая лестница глухо лязгала, когда два человека по очереди спускались вниз.

4.

Утро. Щебечут воробьи, чуть слышно шелестит листвою ветер, короткий гудок автомобиля, противно, но, к счастью, ненадолго задребезжали, отъезжая в сторону, металлические ворота близлежащей фабрики, потом донеслось прерывистое гудение двигателя, снова короткое дребезжание, закончившееся глухим стуком, словно что-то упало, чьи-то шаги. Миша лежал головой к окну, но в стекло книжных полок мог видеть его отражение. Несколько легких перистых облаков и тополиные ветви поверх трехтомника Гессе -- небрежные мазки акварелью.

Еще есть время и можно полежать и подумать, расслабившись, потянувшись, прикрыв глаза. О чем? Да о чем угодно. Мысль бежит неуловимо. Даже когда мы сосредотачиваемся на чем-либо, отвлечение приходит незаметно, как бы исподтишка, и вот вместо поставленной задачи мы думаем уже о просмотренном вчера фильме, о положении на Балканах, о ситуации в стране, о новом доме, мрачной серой высотке, которую строят неподалеку, потом замечаем это, останавливаемся, возвращаемся к тому, с чего начали, но ум игрив, как котенок -- ему нужно подsunуть нечто крайне интересное, чтобы он остановился на чем-то одном хотя бы ненадолго, нечто динамичное и непостоянное, как бумажка на ниточке, которая все время ускользает из лап. Одна ассоциация цепляет другую, мы углубляемся в свое детство или в мечты о будущем, мы забавляемся со своими фантазиями, мы становимся ими на мгновения, играем воображаемые роли в воображаемом мире, а потом вдруг осознаем себя лежащими на продавленном в середине диване, отчего немного болит под лопатками, а проезжающим под окном редкий автомобиль удаляющимся гулом напоминает о реальности майского утра, перистых облаков и Гессе. Почему-то эту реальность ум может воспринимать без напряжения.

"Театр" -- он зацепился, наконец, за это слово, и оно повисло теперь в его уме навязчиво, словно опухоль, притягивая к себе все мысли, все внимание. Он перевел взгляд на белый, покрытый кое-где мелкими трещинами потолок и закинул руки за голову. Театр был странный. Совсем не большой, студийный, с маленьким зрительным залом, совершенно не нужным, потому что ни зрителей, ни аплодисментов, ни ожидания, ни шепота, ни возни, ни кашля в этом зале никогда не было. Этот театр был пуст, абсолютно пуст, если не считать нескольких чудачков актеров, собирающихся здесь вечерами, чтобы сыграть в очередной раз что-то исключительно для себя, исключительно ради наслаждения самой игрой. Когда-то они играли Шекспира, Брехта и Софокла и еще, конечно, Чехова, их было мало, и каждый, поэтому, брал на себя сразу несколько ролей, играя порой одновременно и Гамлета, и Горацио, и даже убийцу Клавдия, все в одном лице,

было интересно, ново, необычно, привлекательно, завораживающе, какие монологи, какие новые трактовки всем знакомых сцен и сюжетов открывались им в этом пустом зале с восьми до десяти часов вечера! Но со временем им наскучило и это. И тогда они стали сочинять пьесы сами. И первая, самая первая пьеса была о художнике, который влюбляется в собственную модель. Они знакомятся на улице, на остановке трамвая, банально, пошло, сентиментально, обыденно, поздним майским вечером, где-нибудь в центре города, как обычно знакомятся люди на остановке трамвая, почти случайно, он влюбляется в нее по уши, он пишет ее портреты один за другим, бездарные, парадные портреты одной и той же женщины, полные позерства и мнимой, показной роскоши. Потом появляется третий или, может быть, третья, потом... Пьеса о художнике, как и его первый, написанный год назад сценарий -- Миша с детства увлекался рисованием, помимо всего прочего, эта тема была ему близка, он уже не в первый раз обращался к ней и сейчас чувствовал, что играть они должны будут именно об этом, о живописи, о творчестве, о том, как из-под кисти на чистом белом холсте из ничего рождаются картины, цвета, линии. Забавное это развлечение -- творить... Да... Тот, прошлогодний сценарий не получился, но этот... Это будет лучше и он получится обязательно. Как там было в недавно прочитанном стихотворении у того китайца? В центре рисуем высокий пик-хозяин, а сбоку -- горы-гости, так, чтобы мчались к нему, на сгибе поместим монашеский скит, а у дороги -простое жилье. Селу или ферме придадим ряд деревьев, составив их в рощу, у обрыва рисуем водную ленту -- пусть брызжет и мчится... Миша с радостью и вдохновением наблюдал сейчас тот удивительный, уникальный, волнующий момент, когда отдельные разрозненные мысли, бессвязные образы и смутные идеи, накопленные за последние дни, собираются в нечто цельное, четкое, оформленное, в некую конструкцию или, лучше сказать, пейзаж, масштабную картину с горами, рекой, домами и дорогами, он знал уже имена и возраст актеров, черты их характеров, он видел перед собой ясно, как в кино, первую сцену, и была полная внутренняя уверенность, что она должна быть именно такой -- словно медленно выплывающая из темноты, из небытия, из пространства, не сразу, постепенно появляющийся на свет мир ирреального театра, зрительного зала, декораций, актеров и их персонажей, живущих в каком-нибудь большом городе где-то в России, не в Москве, нет, где-то в провинции, где жизнь похожа на медленно несущую свои воды Волгу, полная созерцательности и сосредоточения, когда можно остановиться, оглянуться назад, подумать и только после этого сделать шаг дальше.

Миша встал, как был в трусах, сел за стол, смахнул пыль с клавиатуры, положил руки на клавиши. Пальцы его напряженно замерли на несколько секунд, затем выстрелили короткую, звонкую очередь. На белом листе появилась надпись:

"ТАЙНЫ ЖИВОПИСИ"

киносценарий

5.

Комната. В полумраке едва видны несколько стульев вдоль стены, контуры четырех людских фигур.

С е р г е й. Свет поярче?

В а д и м. Нет. Оставь. Так лучше.

Т а н я. Интим!

М а р и н а. Сейчас что-то будет.

Короткая пауза. Слышен звукдвигаемого стула, возня.

С е р г е й. Не слишком затянуто выходит?

В а д и м. Сойдет для начала.

Т а н я. Так все же, трагедия или комедия?

В а д и м. Драма.

С е р г е й. Драма? Это слово не говорит ничего. Просто история.

В а д и м. Ничего. Слишком много. Какая разница?

Камера наезжает на Вадима, так что источник света, слабая, прикрытая абжуром лампа, находится сзади, и голова - лишь контур в красно-оранжевом ореоле. Так она медленно движется от актера к актеру на протяжении всей сцены.

С е р г е й. И все-таки...

В а д и м. Трагедия и комедия -- это условность. Все зависит от чувства юмора.

Т а н я. Автора?

В а д и м. Актеров.

М а р и н а. Оригинально.

С е р г е й. Ничего святого?

В а д и м. Почему бы нет?

С е р г е й. Ты собираешься смеяться над Ромео?

В а д и м. Почему бы нет?

Т а н я. Любовь...

В а д и м. Страсть. Только страсть убивает. А любовь заставляет расти. А Шекспир был веселый человек. Ты согласна?

М а р и н а. Хорошо. Страсть, смерть, любовь, измена... Отношения мужчины и женщины. Как всегда. Это вечная тема.

С е р г е й. Просто люди похожи. И мы играем в одно и то же. Только по разному.

Т а н я. Штампы, штампы... Ты был прав. Что, опять треугольник?

В а д и м. Может быть. Может быть нет. Хочешь, мы сделаем круг?

С е р г е й. Это будет забавно. А финал? Хочешь хороший финал? Ты и я, на арене, как? Чем тебе не круг? Мы выходим на цирковую арену в костюме клоунов, почти как у Феллини, только наоборот, не уходим, а выходим и кланяемся публике. Не конец, вроде, а как бы начало. Круг. Как?

В а д и м. Финала нет.

Т а н я. Как нет?

В а д и м. Нет. Финала нет. Нет автора и нет финала. Мы -- сами себе хозяева. И пусть оно идет, как идет.

С е р г е й. Вот как! Без финала, значит?

В а д и м. Без финала.

М а р и н а. Ясно. И что же нам делать?

В а д и м. Жить.

6.

Ночь. Город. Он сел на место у окна, благо в полупустом вагоне таких мест было полно, и в пыльном стекле увидел свое лицо. Трамвай 26-го маршрута,